

УДК 340.111

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДУАЛИЗМА СОДЕРЖАНИЯ САНКЦИЙ НОРМ ПРАВА

*А.В. Краснов, кандидат юридических наук,
доцент Института экономики, управления и права (г. Казань)*

Проблематика, связанная с трактовкой свойств санкций норм права, имеет множество разнохарактерных аспектов. В рамках данного исследования мы касаемся такого свойства санкций, которое пока не получило четкой научной разработки, однако, с нашей точки зрения, способно дать глубинную, существенную характеристику указанного явления. Мы имеем в виду изменчивость содержания санкций в зависимости от того, регулирование каких общественных отношений ставится в центр нашего внимания. Данное свойство можно рассматривать как проявление некоего дуализма содержания санкции, который обусловлен целым рядом факторов.

Какие факторы, на наш взгляд, так или иначе определяют изменчивость содержания, или дуализм, санкций норм права? Оговоримся, что выделяемые нами факторы не носят характер исключительной связи именно с санкциями норм права. Более того, выделение их носит дискуссионный характер и они могут и не являться непосредственной причиной дуализма санкций норм права. Указанные факторы (условно назовем их факторы влияния) и содержание санкций норм права не могут быть рассмотрены исключительно через призму соотношения причины и следствия. Взаимодействие факторов влияния и содержания санкций носит сложный, диалектический характер, когда причина, породив определенное следствие, сама претерпевает воздейст-

вие на себе тех свойств, которые характеризуют следствие. Возможно, что соотношение рассматриваемых нами явлений носит вообще иной характер (сущность санкции как меры воздействия, поведения, которое адресуется разнокалиберным субъектам, вероятно, и предопределяет наличие тех факторов влияния, о которых мы будем вести речь).

Итак, какие факторы влияния мы имеем в виду? Во-первых, дуализм санкции заключается в том, что она может выступить как диспозиция применительно к тем или иным субъектам¹. Если для обычного гражданина соответствующая мера – это санкция, то для правоприменителя такая мера воздействия есть не санкция, а мера поведения, которую нужно применить к соответствующему лицу. В итоге субъект-правоприменитель руководствуется этой мерой как диспозицией нормы. То есть в отношении разных общественных отношений и субъектов, которые в них участвуют (охранительное и правоприменительное, нарушитель предписания диспозиции и правоприменительный орган), санкция выглядит и проявляется совершенно по-разному, несмотря на единую словесную формулировку.

В отношении норм уголовного права в юридической литературе давно высказывалось мнение о том, что эти нормы адресованы не гражданам или подданным, а суду².

Как отмечает О.Э. Лейст, санкция есть не только угроза по отношению к правонарушителю, но и правило пове-

дения по отношению к государственным органам. При этом исполнение данной санкции, то есть обязанности государственных органов, должно обеспечиваться другими санкциями³, что создает определенную цепь нормативных предписаний.

В трудах И.С. Самощенко и А.С. Пиголкина также можно найти суждения, согласно которым та часть уголовных норм, которая выступает диспозицией для граждан (запрет совершать общественно опасные деяния), одновременно является гипотезой для государства и государственных органов, рассматривающих дела о совершенных преступлениях⁴. В этом же русле находится позиция японского ученого К. Сайто, который, в частности, пишет, что уголовно-правовая норма в качестве нормы поведения обращена ко всем индивидам до совершения преступного деяния, в качестве нормы правосудия — к участникам процесса после совершения преступного деяния, и в качестве исполнительной нормы — к наказуемому⁵.

Аналогичные точки зрения можно встретить и у современных ученых. Так, М.В. Соболев отмечает, что санкция для одного адресата может быть диспозицией для другого⁶. О перемене ролей в санкциях пишет и М.А. Тулигович применительно к нормам уголовного права. С его точки зрения, регулятивная норма уголовного права содержит диспозицию в виде запрета и санкцию в виде наказания за его нарушение. При этом регулятивная норма адресуется лицам, совершающим преступление. Охранительная норма уголовного права, в свою очередь, адресована правоприменителю, и здесь имеет место следующая трансформация: диспозиция регулятивной нормы уголовного права превращается в гипотезу нормы охранительной, а санкция регулятивной нормы предстает уже как диспозиция охранительной нормы уголовного права. То есть уголовно-правовая норма и предписание рассматриваются автором не просто как отдельно взятые предписания, а в плане их реализации, а также того, какое правоотношение при этом возникает⁷.

То обстоятельство, что санкция нормы права может «оборачиваться» диспозицией в зависимости от того, какие общественные отношения имеются в виду, напрямую связано с тем, что (а это — во-вторых) санкция нормы права может рассматриваться не как обезличенные меры воздействия того или иного характера, а как определенные правила поведения. Об этом мы достаточно подробно писали в некоторых наших работах, в которых делалась попытка обосновать регулятивность санкций норм права, их обозначение через права и обязанности, указание на которое можно встретить в литературе, рассмотреть охранительное правоотношение через призму трансформации правовых средств на уровне диспозиции в правовые средства на уровне санкции нормы права⁸.

В-третьих, высказанные нами соображения неразрывно связаны с тезисом об определенной условности жесткого разграничения регулятивной и охранительной функций норм права.

Как известно, в науке принято выделять две основные функции права — регулятивную и охранительную, как самостоятельные направления его воздействия на общественные отношения⁹. С.С.Алексеев различает статическую и динамическую регулятивные функции права в качестве основных, а также охранительную функцию в качестве дополнительной¹⁰.

По нашему мнению, следует согласиться с тем, что регулятивная функция права многогранна, может проявляться по-разному: так, в ее рамках выделяются регулятивно-статическая, регулятивно-динамическая и регулятивно-охранительная функции¹¹; в другом ракурсе как подвиды регуляции рассматриваются обязывание, поощрение, ограничение, охрана¹².

В связи с этим мы не можем согласиться с тем, что необходимо четко дифференцировать нормы права на регулятивные и охранительные. Законодатель может использовать средства и способы метода правового регулирования в различных сочетаниях. Регулирование может осуществляться различными путями

ми, в том числе — с помощью охраны¹³. То есть в принципе не может существовать регуляция без охраны, а охрана — без регуляции. Думается, можно согласиться с тем, что продолжительность дискуссий о норме обусловлена определенным смещением формальной и содержательной сторон¹⁴. По этому поводу высказано возражение, согласно которому нельзя смешивать функции права и функции конкретных норм, а регулятивная и охранительная функции есть функции именно права, а не норм¹⁵. Однако, как нам кажется, даже если допустить выделение регуляции и охраны в качестве основных функций права, основных направлений его воздействия на социальный организм, то в отношении конкретной нормы разрывать эти векторы воздействия вряд ли возможно без ущерба для научной целостности понятия и признаков нормы права.

Запрещающей норме, применительно к которой идет разговор о перемене ролей санкции и диспозиции, некоторые ученые достаточно обоснованно придают регулятивный характер. Роль запрета не должна сводиться исключительно к выполнению функций охраны. Обосновывается регулятивность запрета, которая находит выражение в том, что запрещающие нормы предметом своего регулирования имеют те общественные отношения, которые выражены в форме отграничений (обособлений) субъекта от вытесняемых общественных отношений¹⁶. С регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания — обязанностях воздерживаться от совершения действий известного рода, причем такие обязанности не всегда конкретизированы по содержанию и адресатам¹⁷. Как точно отметил А.В. Малько, «запрещение определенного действия эквивалентно обязанности несовершения этого действия»¹⁸. Что касается А.Г. Братко, то он утверждает, что «запрещающая норма, как и любая другая, имеет предоставительно-обязывающий характер... Взаимосвязь «запрет-право» в процессе правового

регулирования конкретизируется в «обсехохранительном правоотношении»¹⁹, которое возникает непосредственно из закона; такое правоотношение необходимо отличать от аналогичного конкретного²⁰. По мнению А.Г. Братко, сочетание прав и обязанностей может и подразумеваться²¹.

Мы не склонны рассматривать запрещающую норму непосредственно как предоставительно-обязывающую. Пассивная обязанность в ней носит общий характер, как и общее право государства требовать соблюдения запретов. Однако для нас очень важен вывод, который может быть сделан из сказанного и который заключается в связанности, нераздельности в рамках конкретной нормы права регуляции и охраны. Это, в свою очередь, вполне может быть экстраполировано и на содержание санкций.

В-четвертых, свойство дуализма санкции нормы права предопределяется также и таким обстоятельством, как нормативная ассоциативность норм права. В чем она заключается? Санкции, как известно, нельзя в большинстве случаев реализовать вне соответствующих процедур, юридического процесса, что предполагает появление официальных публичных субъектов. Необходимы процедурные, процессуальные нормы. Они подключаются на уровне реализации санкции, образуя с первоначальной нормой некую нормативную ассоциацию. Кроме того, в нормативную ассоциацию должны входить и те предписания, посредством которых санкция данной нормы, как правило поведения, должна обеспечиваться. Еще известный советский ученый М.М. Агарков предлагал схему структуры, в которой санкцию обеспечивает другая санкция, да и гипотеза с диспозицией «раздваиваются» (вторая гипотеза — на случай нарушения предшествующей диспозиции, а вторая диспозиция — на случай изменения содержания первой)²². Для нас важно как раз то, что санкция нормы также должна обеспечиваться далее, что «превращает» первоначальную санкцию в диспозицию: каждое последу-

ющее действие (бездействие) в идеале должно находить правовое обеспечение в виде соответствующих норм, обладающих своими санкциями, которые могут носить разный характер, в том числе организационный, что характерно для процессуальных и процедурных норм. Такой ряд норм, когда одна санкция требует другой, отмечался в свое время Л.И. Петражицким (норма права – такая норма, на случай отсутствия добровольного исполнения которой другая норма права предусматривает применение принудительных мер) в критическом плане²³, хотя цепочка норм, о которой здесь говорится, – вполне закономерное явление. К примеру, в уголовном праве в случае уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ возможно назначение лишения свободы²⁴. Кроме того, организационными санкциями в виде отмены, изменения акта обеспечиваются и правоприменительные решения. «Концом» такой цепочки будет являться конституционная норма о суверенитете народа, так как источник публичной власти в демократическом государстве – это народ, население. Соответственно реализация цепочки норм будет принимать все более сложные процессуальные формы, которые на самом конце смыкаются с политическим процессом, замыкающим цепь в некое кольцо: ведь избираемая населением власть издает те нормы, которыми граждане руководствуются в повседневной жизни.

Идею нормативных ассоциаций высказывал, пусть и в несколько ином ракурсе, и С.С. Алексеев, который писал, что нормативные юридические положения, «сцепляясь» между собой, объединяются в ассоциации, образования разного уровня. Характер таких образований, их соотношение и иерархия обусловлены логической природой и уровнем нормативных обобщений²⁵.

Нормативная ассоциативность позволяет нестандартно взглянуть на структуру нормы права. Так, структуру нормы уголовного права (можно сказать – запрещающей нормы) предлага-

ют рассматривать в зависимости от ее адресата²⁶. Указанная позиция хорошо разработана в трудах представителей так называемой двухэлементной концепции структуры нормы права²⁷.

Не вдаваясь в полемику с учеными-сторонниками двухэлементной структуры нормы права, отметим лишь, что истина, пожалуй, таится не в количестве элементов, а в связях между ними. В науке достаточно широко распространен взгляд на структуру нормы права как на совокупность элементов и связей между ними²⁸, либо вообще как на межэлементарные связи²⁹. Думается, к указанной проблеме необходимо подходить диалектично, учитывая, что элементы без связей теряют свое функциональное назначение, а выделение связей без элементов и вовсе бессмысленно.

Собственно, по нашему мнению, суть вопроса состоит не столько в количественном, сколько в качественном измерении составляющих норму элементов. Как справедливо пишет представитель двухэлементной концепции, «...санкция зачастую даже внешне формулируется как субъективное право...»³⁰. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «...все же и диспозиция, и санкция – это вторая часть (соответственно регулятивной или охранительной) нормы права; и та и другая указывают на определенные юридические последствия (права и обязанности), на предписываемое государством распоряжение»³¹. Дело не в том, чтобы ставить некий водораздел между регуляцией и охраной, которые при таком подходе должны опосредоваться разными нормами, а в наличии нормативных ассоциаций нескольких норм, в рамках которых выделение целостной нормы возможно лишь условно, применительно к определенному общественному отношению, учитывая, что даже одна норма может регулировать несколько общественных отношений одновременно. Данная целостная норма из трех элементов может «перемещаться» по цепочке в связи с тем, что санкция оборачивается диспозицией для других

субъектов, и возникает необходимость обеспечения правил поведения.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что структура той или иной нормы «есть объективированный результат отражения в норме определенного общественного отношения»³². Тем самым возможно выделение идеальной и реальной структур нормы права³³. Идея нормативной ассоциативности, безусловно, согласуется с конструированием так называемой реальной структуры нормы права, которая «...производна от структуры соответствующего общественного отношения определенного вида и выступает как

закономерная реальность правовой системы конкретного общества... Количество элементов реальной структуры предопределено структурой фактического общественного отношения и особенностями взаимосвязей и взаимодействия правовых норм в системе права»³⁴. Именно профессор Перевалов делает достаточно аналогичный вывод, с которым мы солидаризируемся: «Элементы могут взаимозаменяться, превращаться друг в друга, объединяться и выступать в единстве»³⁵. Содержание санкции прежде всего и является ярким выражением такого структурного превращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. — № 1. — С. 46; *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 12, 14, 20; *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. проф. Томсинова В.А. — М.: Зерцало, 2008. — С. 66–67.

² См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1914. — С. 65, 122 и др.; *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. — Юрьев, 1917. — С. 64–69.

³ См.: *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 18–19.

⁴ См.: *Общая теория советского права* / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко — М.: Юридическая литература, 1966. — С. 194.

⁵ См.: *Сайто К.* Японское уголовное право // Современное уголовное право. — Т. 1. — М., 1995. — С. 306.

⁶ См.: *Соболев М.В.* Санкция как элемент юридической ответственности: дис... канд. юрид. наук — М., 2006. — С. 35.

⁷ См.: *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 31.

⁸ См.: *Краснов А.В.* Санкция нормы права в контексте правил поведения // Актуальные проблемы экономики и права. — Казань: Познание, 2010. — № 1 (13). — С. 102–107; Правовая санкция в контексте предостаточно-обязывающего характера нормы права // Научный Татарстан. Серия «Гуманитарные науки. Юридические и социально-экономические науки». — Казань, 2010. — № 1. — С.126–133.

⁹ См.: *Радько Т.Н.* Функции социалистического общенародного права: автореф. дис. ... к.ю.н. — Саратов, 1967. — С.8–12; *Комаров С.А., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. Краткий учебник для вузов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИН-ФРА М, 1999. — С.165; *Общая теория права и государства: учебник* / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 85; *Лиголкин А.С.* Теория государства и права: учебник. — М.: Городец, 2003. — С.77 и др.

¹⁰ См. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Вып.1. — Свердловск, 1963. — С.64.

¹¹ См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография. — М.: ИД Право и государство, 2005. — С.169.

¹² См.: *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. — Казань: КЮИ МВД России, 2003. — С. 167.

¹³ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права. — Казань: Спектр, 2000. — С.82–83, 169.

¹⁴ См.: *Ковалюнас Д.А.* Санкции в публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук — Самара, 2000. — С.50.

¹⁵ См.: *Радько Т.Н.* Нормы права / Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 108.

¹⁶ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве: монография. — Казань: Изд-во КГУ, 1990. — С. 41—42.

¹⁷ См.: *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. — Т. 2. — С. 205—206.

¹⁸ *Малько А.В.* Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Серия «Юриспруденция». — Вып. 2. — Тольятти, 1997. — С. 5.

¹⁹ *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. — С.45.

²⁰ *Братко А.Г.* Указ. соч. — С.46.

²¹ См.: *Братко А.Г.* Указ. соч. — С.22.

²² См.: Теория государства и права. — М., 1948. — С. 424.

²³ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. — Т. 1-2. — СПб.: Изд-во типографии СПб. Акционерного общества «Слово», 1907. — С. 258.

²⁴ См.: *Самвелян К.Р.* Уголовно-правовые санкции: проблемы конструирования и применения: дис... канд. юрид. наук — Краснодар, 1997. — С. 79.

²⁵ См.: *Алексеев С.С.* Теория права. — М.: БЕК, 1993. — С. 103.

²⁶ См.: *Тулигович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 12, 14, 20 и др.

²⁷ См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1898. — С. 124—125; *Рыбин А.В.* Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского университета, 1958. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 4; *Курьлев С.В.* Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. — 1964. — № 8. — С. 50; *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. — С. 27-42; *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. — № 1. — С.41-49.

²⁸ См.: Общая теория права: Учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.С. Пиголкина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. — С. 156; *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник. — М.: Финансовый контроль, 2004. — С.195; Правоведение: учебник / под общ. ред. Г.В. Мальцева. — М.: Изд-во РАГС, 2003. — С.137 и др.

²⁹ См.: *Комаров С. А., Малько А. В.* Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. Краткий учебник для вузов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. — С. 186.

³⁰ *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. — С. 45.

³¹ Там же. — С. 46.

³² *Первалов В.Д.* Нормы права // Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Первалова. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. — С. 289.

³³ См.: *Алексеев С.С.* Теория государства и права: учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. — М., 1998. — С. 238; *Первалов В.Д.* Указ.соч. — С. 288.

³⁴ Там же. — С. 289—290.

³⁵ Там же. — С. 291.

Аннотация

Статья посвящена такому свойству санкции нормы права, как изменение ее содержания в зависимости от того, в рамках каких общественных отношений берется установленное ею предписание. Автор анализирует факторы, которые предопределяют указанное свойство.

Ключевые слова: санкция нормы права, диспозиция нормы права, структура нормы права, функция права, охрана, регуляция.

Summary

The article is devoted to such property of the sanction of legal proposition as the change of its essence depending on the kind public relations in the frames of which instruction is taken. The author analyses factors which predetermine this property.

Key words: sanction of legal proposition, disposition of legal proposition, structure of of legal proposition, function of the law, protection, regulation.